

РАНЫ
ШЕСТЬ ИСТОРИЙ С ГРАНИЦЫ АДА

Посвящается Мии

Сейчас ты на важнейшем распутье в жизни.
И любая дорога приведет тебя в странные
края.

Майк Миньола. Хеллбой. Третье желание

АТЛАС АДА

— Он не понимает, что уже мертв. Я только что прострелил этому парню череп, а он продолжает трепаться. Все говорит мне, что работает на большую шишку и я точно пожалею о том, что появился на свет. И тому подобное. Все его лицо залила кровь. Глаза тоже, так что он ни хрена не видит. Потому-то я смотрю на ствол в руке и думаю: «Какого черта? Работать будем?» А еще думаю: может, этот засра-нец все-таки прав, и все это мне не по зубам. Ты есть чувствую, как подкрадывается настоящий страх. И волосы встают дыбом — словно у мультяшки. Потому-то я смотрю на этого парня и говорю: «Па-дай! Ты мертв! Я тебя застрелил!»

Перед ним на журнальном столике стоит бурбон со льдом. Он делает глоток, затем ставит стакан обратно, на круглый мокрый след. Ровно на то же самое место.

— Знаешь, кажется, он ждал приказа, потому что, как только я это сказал, что? Правильно, бум! Он падает будто подкошенный.

Не знаю, какой реакции он ждет. От нервов у меня начинает дергаться нога, и я не могу ее унять.

Я открываю рот, хочу что-то сказать, но вместо слов вылетает нервный смешок.

Он смотрит на меня с удивлением и чуть склоняет голову. Патрик — здоровый парень, но не рыхлый, как я. Под кожей у него не жир, а мышцы. Можно подумать, что шматы мяса сшили вместе и запихали в одежду.

— Что смешного?

— Не знаю. Я думал, ты анекдот рассказываешь.

— Ты совсем чокнутый? Это был не анекдот, ублюдок.

На часах почти полночь, мы сидим на забрызганном кофе диване в темном углу моего грязного книжного магазина в Новом Орлеане, расположенного примерно в квартале от Мэгэзин-стрит. Меня зовут Джек Олеандр. Я живу в однокомнатной квартире над магазином, но, когда полчаса назад Патрик заколотил в дверь, я решил, что нам лучше остаться внизу. Не хочу, чтобы он вторгнулся в мое личное пространство. Ведь то, что он пришел, — уже плохой знак.

Моя лавка называется «Книжный магазин Олеандра». По большей части, я продаю подержанные книги своей немногочисленной клиентуре: студентам и мятежной молодежи, опьяненной любовью к Кьеркегору или Сэлинджеру. Такой расклад дел мне по душе. Многие книги стоят на полках годами, и кажется, что в каком-то смысле мы сроднились. Когда одна из них покидает родное гнездо, становится даже немного жаль.

Кормит меня, конечно, не магазин. А книги и документы, которые я продаю в подсобке. О ней мало

Нейтан Баллингруд. РАНЫ

кто знает, но те, кто в курсе, платят очень даже неплохо. Юджин, босс Патрика, как раз из тех, кто знает. Наши пути разошлись при не самых приятных обстоятельствах около года назад. Я надеялся, что больше никогда его не увижу. Присутствие Патрика вселяет страх, а от страха я становлюсь безрассудным.

— Что же это, если не анекдот? Мы уже двадцать минут распиваем бурбон, а ты и не начал говорить о деле. Если хочешь поговорить по душам, давай в другой раз.

Он бросает на меня сердитый взгляд и снова берется за стакан, разглядывая кружащийся в жидкости лед. Он всегда меня ненавидел, так что ему этот визит тоже не доставляет особой радости.

— Нелегко быть твоим другом,— говорит он.

— Не знал, что мы друзья.

Он стиснул зубы.

— Ты тратишь мое время, Патрик. Ты лишь громила, так что, может, до тебя не доходит, но работа в подсобке отнимает много энергии. Сон — очень ценный ресурс. А ты тратишь его, вот уже полчаса сидишь на моем диване, пьешь мой виски и расхаживаешь вокруг да около. Не знаю, сколько еще я выдержу.

Услышав это, он переключается на рабочий режим, и эта перемена — обычно последнее, что видят люди перед смертью. Замечательно, именно этот режим мне и нужен. Теперь он сосредоточен. Осталось не довести все до насилия. Таких, как он, надо осторожно дергать за ниточки. В свое время у меня это неплохо получалось.

— Ты бы следил,— говорит он,— за выражениями. Я поднимаю руки, показывая ладони:

— Патрик.

— Я пришел к тебе с миром. И уважением.

Это все чушь собачья, но уже плевать. Пора его успокоить. Какие же эти мачо хрупкие цветочки.

— Патрик. Извини. Правда. В последнее время я почти не сплю. Устал, потому и делаю глупости.

— Это недостаток. Просыпайся уже и слушай меня внимательно. Я рассказал тебе эту историю по двум причинам. Первая — чтобы ты перестал болтать всякую тупую хрень вроде той, что только что сказал. И чтобы вспомнил, с кем имеешь дело. Вижу, не вспомнил. Вижу, что слишком тонко намекнул.

— Серьезно, Патрик. Я...

— Если снова меня перебеешь, сломаю тебе правую руку. Вторая причина, по которой я рассказал эту историю,— дать тебе понять, что я в жизни много чего повидал. Чтобы ты, когда я скажу, что случившееся пугает меня до усрачки, просто сел и, мать твою, внимательно послушал, о чем я толкую.

Он замолкает и пристально смотрит на меня. Через несколько секунд я понимаю, что можно начинать отвечать.

— Я весь внимание. Ты, что ты собираешься мне рассказать, связано с Юджином?

— Ты знаешь, что да. Иначе зачем мне тащиться сюда?

— Патрик, расслабься. Извини, что разозлил. Еще стаканчик? Давай налью тебе еще стаканчик.

Нейтан Баллингруд. РАНЫ

Я вижу, как в его глазах сверкает гнев, и начинаю подозревать, что в этот раз слегка перестарался. Не знаю, смогу ли от него убежать.

Но он откидывается на спинку дивана и расплывается в улыбке. Выглядит очень неестественно.

— Надо же, а ты за словом в карман не лезешь. И как тебя такого еще не отделали?

Он встряхивает лед в стакане.

— Давай, вперед. Плесни мне еще. Выкурим трубку мира.

Я наливаю нам еще одну порцию. Он опустошает стакан одним медленным залпом и снова протягивает его мне. Я снова наливаю. Кажется, он расслабляется.

— Ладно, начнем. Есть один парень. Гадкий мелкий ловчила по имени Тубиас Джордж. Он из тех крыс, что вечно ползают по городу, лезут во всякое дерьмо, поганят себе жизнь, а ты их даже не замечаешь. Понимаешь, да?

— Да.

Мне знакомо имя, но ему я об этом не говорю.

— Единственная причина, почему мы про него знаем,— потому что обычно он проворачивает свои делишки, отстегивает процент Юджину, и все счастливы. Но тут у этого гаденыша случается приступ амбициозности. Он грабит казино Юджина и сбегает с кучей денег. Чистое самоубийство. Кто знает, что нашло на этого парня? Может, какая заветная мечта засела шилом в заднице. Так вот, мы выходим на его поиски, но он исчезает. Получаем сообщение, что он ушел на юг и залег на болотах.

Не где-то в порту Форшон, а в прямом смысле где-то на болотах в гребаной лодке. Юджин в ярости, но ты сам знаешь: побесится, покричит пару дней, а потом пошлет все к чертовой матери. Ради крысы бороться с аллигаторами? Через какое-то время мы просто решили, что он сгинул навсегда. Ну, понимаешь, да?

— Но он не сгинул.

— Точно. Мы пронюхали о нем через пару месяцев. Теперь он подался в другую степь. Продает артефакты из Ада и зарабатывает на этом кучу денег.

— Всего лишь очередная афера, — говорю я, прекрасно осознавая, что это не так.

— Не афера.

— Откуда тебе знать?

— Не бери в голову. Главное — мы знаем.

— Украл деньги и сбежал. Это больше по твоей части, Патрик.

— Это тоже не бери в голову. Когда придет время, я сделаю свою работу. Не буду вдаваться в подробности, потому что это неважно, так что, если кратко, то Юджин хочет включиться в игру. Он не желает терять рынок, после того как Тобиас окажется в земле. Нам известно, что у подонка есть книга, с помощью которой он достает товар. Атлас. Он нужен нам, и мы хотим знать, как он работает. А это уже по твоей части, Джек.

Я чувствую, как все внутри сковывает холод.

— Мы так не договаривались.

— Что я могу тебе сказать?

— Нет. Я...

Нейтан Баллингруд. РАНЫ

В горле пересохло. Нога снова задергалась.

— Юджин сказал, что мы больше не сотрудничаем. Он лично мне это сказал. А теперь нарушает данное обещание.

— Опять твоя болтовня.

Патрик опустошает стакан и встает с дивана.

— Поехали. Скажешь ему это лично, посмотрим, как пойдет.

— Сейчас? Посреди ночи?

— Не волнуйся, ты его не побеспокоишь. В последнее время он почти не ложится.

* * *

Я всю жизнь провел в этом городе. Был типичным толстым белым сопляком из приличной семьи, которому уготовано безрадостное капиталистическое рабство. Но в какой-то момент сбился с пути: меня соблазнили старые книги. И мне захотелось прожить свою жизнь в тумане пергаментной пыли и старого клея. Я поступил в ученики к переплетчику, скрюченному старику-каждуну по имени Рене Оквин, оказавшемуся некромантом в прошлом, для которого переплетение старых гримуаров было источником дополнительного заработка. Я кое-чему у него научился и в результате получил должность библиотекаря в Академии Урсулинок. А когда Юджин и его люди решили влезть в бизнес, из-за чего случилось кровавое столкновение с сектантами, одержимыми Свитком Дамокла, я уволился из Академии и начал карьеру книжного вора. Проработал

на Юджина пять лет, прежде чем наши пути разошлись. Когда я ушел, мы оба понимали, что больше не встретимся.

У Юджина есть бар в Мид-сити: там нет магазинов одежды, притонов фетишистов или сборищ готов, как во Французском квартале, как нет и представительного внешнего лоска Центрального делового района и района Гарден. В Мид-сити можно делать все, что захочешь. Патрик едет вдоль канала, затем паркуется перед домом. Он ведет меня на крыльцо и внутрь, где нас встречает порыв прохладного воздуха, принося облегчение от жары, которая не ослабевает даже ночью. Музыкальный автомат крутит избитую композицию, а за барной стойкой гнездятся четыре или пять призрачных фигур. Ни одна из них не оборачивается, когда мы проходим мимо. Патрик ведет меня вниз, в кабинет Юджина.

Я еще не достиг последней ступени, а Юджин уже приветствует меня.

— Привет, толстяк! А вот и наш толстяк! — Он выходит из-за стола с распростертыми объятиями.

Моделью с обложки его тоже не назовешь. Остатки седых волос тянутся длинными тонкими зачесанными линиями по всему черепу. От алкоголя поплыло лицо. Грудь кажется вдавленной, будто что-то внутри сломалось и тело проваливается внутрь себя. Он приветственно кладет руку на плечо, и я стараюсь не вздрогнуть.

— Ты только посмотри. Только посмотри на себя. Хорошо выглядишь, Джек.

Нейтан Баллингруд. РАНЫ

— Ты тоже, Юджин.

Его офис чистый и прибранный. Письменный стол и несколько мягких стульев, а у дальней стены, под огромной картиной Михалопулоса, стоит диван. Напротив стола — мини-бар и дверь, ведущая в переулок. Позади него маски для карнавала Марди Гра расставлены так, что кажется, будто духи собрались на консилиум. Юджин — детище Нового Орлеана до мозга костей, и покупается на любую ничтожную ложь, которую город про себя рассказывает.

— Слышал, у тебя теперь есть девчонка. Как там ее, Локи? Ликми?

— Лакшми.

Уже на этих словах мне становится не по себе.

— Даладно тебе, Юджин. Давай не будем об этом.

— Ты смотри как приказывает. Какой самостоятельный и взрослый. Патрик не причинил тебе никаких неудобств? Его иногда заносит.

Патрик даже не моргает. Он выполнил свою роль и теперь превратился в статую.

— Нет. Совершенно никаких. Прямо как в старые добрые времена.

— Надеюсь, не в точности как в старые добрые времена.

Он усаживается за стол и жестом приглашает меня присесть. Патрик подает выпивку и отступает за мою спину.

— Я просто не понимаю, зачем понадобился тебе, Юджин. Тебе не заплатили. Но ведь для таких случаев ты держишь своих ребят.

